
**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL
ECONOMIC RELATIONS**

Пандемия против глобальных инвестиций: реалии 2020 года*Чиниев Джами Бадридинович¹*

В статье показаны и проанализированы современные тенденции в глобальном процессе миграции прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2000–2019 гг. и в ближайшей перспективе. Автором выделены основные факторы, влияющие на миграцию ПИИ. На основе анализа первичных статистических данных, а также современных и классических научных исследований, автор обосновывает точку зрения, что в современных условиях глобальной нестабильности имеет место рост влияния неэкономических факторов, оказывающих растущее влияние на глобальные потоки ПИИ. В статье автором показано, что COVID-19 окажет значительное прямое и косвенное воздействие на потоки глобальных ПИИ. Среди направлений косвенного воздействия выделяется обострение проблем существующей мировой финансовой системы.

Ключевые слова: мировая экономика, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), несбалансированность ПИИ, COVID-19, мировая финансовая система, глобальная финансовая нестабильность.

JEL коды: F21, F34, F37.

Введение

Иностранные инвестиции на сегодняшний день — важнейший драйвер экономического развития всех стран мира, так как капитал традиционно остается основополагающим фактором роста национальной и мировой экономики. Это положение многократно обосновывали виднейшие теоретики (в том числе классики экономической теории) и хозяйственная практика — мировая и страновая — на протяжении как минимум 2-х столетий.

Однако на каждом этапе развития мирового хозяйства процесс иностранного инвестирования, или вывоза капитала, имеет свои особенности, соответствующие специфике мировых экономических процессов (Савинский, 2004), сложившейся «...системе экономических инструментов, организационных мер и институтов, обеспечивающих осуществление мирохозяйственных связей» (Вереникина и др., 2017), а также тем формам

---

¹ Чиниев Джами Бадридинович — кандидат экономических наук, экономист, Международный валютный фонд, Национальный Банк Таджикистана, проспект Рудаки, 107А, 734003, Душанбе, Таджикистан.

вывоза капитала, которые актуализируются в те или иные исторические периоды в тех или иных странах с учетом их особенностей.

Цель статьи — на основе статистических данных ЮНКТАД, анализа современной научной литературы исследовать современные тенденции в глобальном процессе миграции прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2000–2019 гг. и в ближайшей перспективе и дать научное объяснение этих тенденций.

Результаты исследования

На процессы международного инвестирования оказывают основополагающее влияние национальные и глобальные процессы — рост или падение производства, НТП, применение тех или иных инструментов регулирования ПИИ, НТП и др. Все они в различной степени и достаточно разнонаправленно влияют на тенденции ПИИ в мире, отдельных регионах и странах.

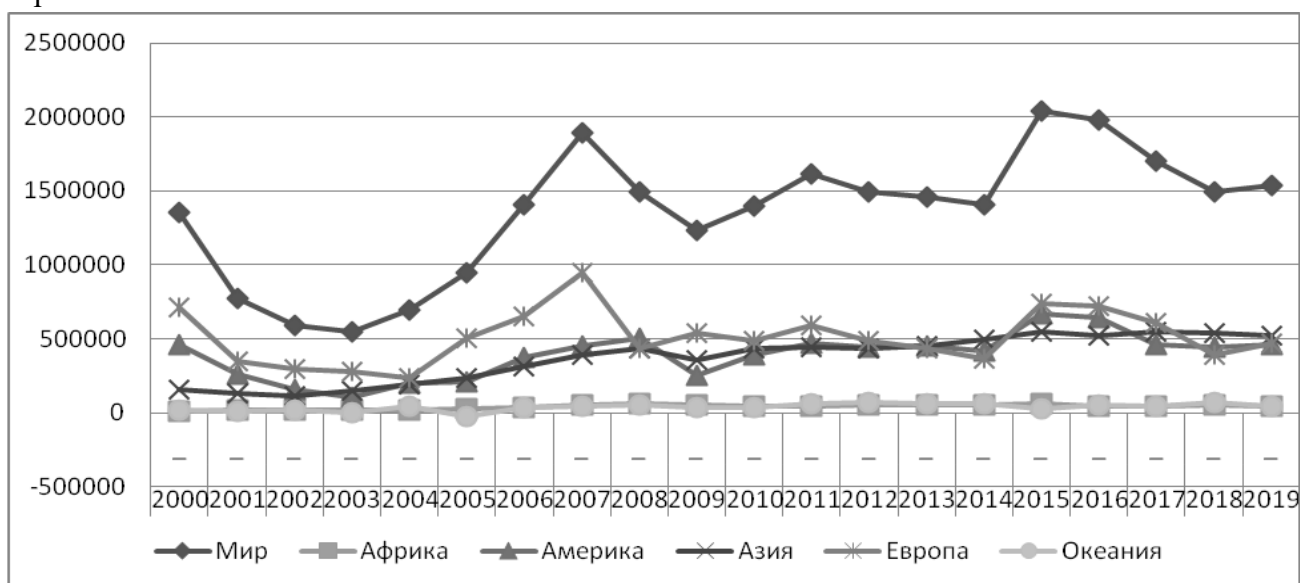

Рис. 1. Динамика притока ПИИ в мире и в регионах мира в 2000–2019 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Как видно на рис. 1, глобальные потоки ПИИ незначительно выросли в 2019 г. (на 3%) после существенного падения в 2016–2018 гг. Это произошло главным образом за счет роста притока капитала в развитые государства Европы и страны с переходной экономикой. Приток ПИИ в развивающиеся страны в 2019 г. сократился. В частности, в Африке он упал на 10%.

Если говорить о страновых тенденциях, то крупнейшим получателем ПИИ в 2019 г. стали США, хотя приток ПИИ в эту страну сокращается уже 2-й год подряд (в 2018–2019 гг.), как и во многие ведущие по этому показателю страны мира — Нидерланды, Гонконг (КНР), Великобританию, Германию, Австралию, Францию. Снижение притока ПИИ в развитые страны достигло в 2019 г. 6%, в том числе объемы привлеченных в страны Европейского Союза ПИИ сократились на 15%. Эта ситуация уже получила название «кризис инвестиций». Одной из причин этого явления можно считать выход Великобритании из Европейского Союза.

Напротив, рост ПИИ отмечен в Китае, который на протяжении ряда лет (с 2008 г.) является 2-м в мире получателем ПИИ на фоне значительного экономического роста и, в частности, цифровой трансформации национальной экономики (Шкваря, Сичжэ Ван, 2020). Более того, динамика притока ПИИ в Китай остается наиболее стабильной среди ведущих стран мира, и более стабильной, чем мировой приток прямых иностранных инвестиций.

Также имел место рост притока ПИИ в Ирландию, Бразилию (после начала процесса приватизации), Индию, Канаду, на Каймановы острова. ПИИ выросли в Чили, Колумбии и Перу, причем большая их часть пришлось на сырьевые производства, хотя инвестиции в коммунальные услуги также увеличились. В 2019 г. Латинская Америка и Карибский бассейн также стали «горячей точкой» для ПИИ в возобновляемые источники энергии. В странах АСЕАН в 2019 г. ПИИ выросли на 42%. Высокий рост ПИИ в страны АСЕАН остается особенностью региона на протяжении уже ряда лет (Тыркба, 2015).

В страны с переходной экономикой приток прямых иностранных инвестиций увеличился на 59% — до 55 млрд долл. США, что было вызвано, главным образом, восстановлением притока ПИИ в Российской Федерации. ПИИ в Российскую Федерацию за 2019 г. выросли более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом, несмотря на продолжающееся санкционное давление со стороны западных стран, прежде всего США и государств Европейского Союза. Можно согласиться с тем, что: «Одними из крупнейших инвесторов для российской экономики традиционно оставались страны Западной Европы. Однако в 2014–2016 гг. в связи с введением западными странами санкций против российской экономики инвестиционные отношения сторон переживают период трансформации» (Шкваря, 2017). Стоит отметить, что крупнейшим инвестором в российскую экономику в 2019 г. стала Германия, за ней следовали Китай, Франция и США, инвестиции которых в российскую экономику, однако, существенно сократились. В то же время России пока не удастся достичь «исторического максимума» стоимостного объема притока прямых иностранных инвестиций в XXI в., который имел место в 2008 г.

Таким образом, важнейшими характеристиками мирового потока прямых иностранных инвестиций в условиях глобальной нестабильности, по нашему мнению, выступают его высокая волатильность и неустойчивость, а также значительная дифференциация как по регионам мира и по странам, так и по динамике странового рейтинга (см. табл. 1).

Однако в XXI в., помимо известных экономических факторов (Савинский, 2004), все чаще на повестке дня появляются внеэкономические обстоятельства, которые имеют серьезные последствия на объемы, структуру и географические направления глобальных потоков капитала. Так, важнейшее влияние на мировые инвестиционные процессы имела и сохраняет «цифровая революция», активизировавшая создание новых видов товаров и услуг и изменившая систему потребления в мире и отдельных странах (Меланьина, 2019), а также политические аспекты, конфликты и др.

В 2020 г. таким обстоятельством стала также пандемия *COVID-19*. В этой связи специалисты *UNCTAD* в Отчете о мировых инвестициях за 2020 г. обосновывают точку зрения о том, что «Кризис *COVID-19* приведет к резкому падению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в 2020 и 2021 гг. Это будет иметь немедленные негативные последствия в 2020 г., с дальнейшим ухудшением в 2021 г. Глобальные потоки ПИИ, по оценкам, сократятся до 40% в 2020 г. по сравнению с их значением в 2019 г., достигшим уровня 1,54 трлн долл. (World Investment Report, 2020).

Таблица 1.

Приток ПИИ в некоторые страны мира в 2000–2019 гг., млрд долл.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
США	314	159,5	74,5	53,1	135,8	104,8	237,1	216	306,4	143,6	198,0	229,9	199	201,4	201,7	467,6	471,8	277,3	253,6	246,2
КНР	40,7	46,9	52,4	53,5	60,6	72,4	72,7	83,5	108,3	94,1	114,7	124,0	121,1	123,9	128,5	135,6	133,7	136,3	138,3	141,2
Сингапур	14,6	17,3	5,3	16,4	22,3	17,7	37,5	42,6	11,8	18,5	57,5	39,9	60,1	56,7	73,3	59,7	68,8	83,6	79,7	92,1
Нидерланды	63,9	51,9	25,0	32,9	12,4	39,0	14,0	114,2	-6,8	38,8	-7,2	24,2	250	51,1	45	179	30,7	60,5	114,3	84,2
Ирландия	25,8	9,7	29,3	22,9	-10,6	-31,7	-5,5	24,7	-16,5	25,7	42,8	23,5	48,9	50,6	48,2	217,9	39,4	52,8	-28,1	78,2
Бразилия	32,8	22,5	16,6	10,1	18,1	15,1	18,8	34,6	45,1	25,9	77,7	97,4	82,1	59,1	63,8	50,0	53,7	66,6	59,8	72,0
Гонконг	54,6	29,1	3,7	17,8	29,2	34,1	41,8	58,4	58,3	55,5	70,5	96,6	70,2	74,3	113	174,4	117,4	110,7	104,2	68,4
Великобритания	115,3	35,9	19,7	16,6	61,2	182,9	147,4	176,8	92,2	89,7	58,2	42,2	55,4	51,7	24,7	39,2	258,7	101,2	65,3	59,1
Виргинские о-ва	8,1	3,8	5,5	9,7	28,3	-7,1	12	37,2	52,6	42,2	51,5	58,2	75,3	113,4	55,8	25,5	57,8	57,6	58,8	58,0
Индия	3,6	5,5	5,6	4,3	5,8	7,6	20,3	25,3	47,1	35,6	27,4	36,2	24,2	28,2	34,6	44,1	44,5	39,9	42,2	50,6
Канада	66,8	27,7	22,2	7,5	-0,4	25,7	60,3	116,8	61,6	22,7	28,4	39,7	43,1	69,4	59,0	43,8	36,1	26,5	43,5	50,3
Германия	198,3	26,4	53,5	32,4	-10,2	47,5	55,7	80,2	8,1	23,8	65,6	67,5	28,2	12,8	-3,2	30,5	15,6	60,4	73,6	36,4
Австралия	14,2	7,8	14,2	6,3	39,6	-28,3	26,3	41,5	46,9	31,9	36,8	58,9	59,6	56,8	58,5	29,6	48,3	45,3	68	36,2
Каймановы о-ва	9,4	2,1	2,8	2,6	3,7	9,5	24,8	28,2	19,6	20,2	10,6	16,7	9,9	68	49,8	80,3	64,3	22,9	16,8	34,7
Франция	27,5	15,9	21,5	7,9	-2,6	33,2	25,3	63,5	37,6	30,7	13,9	31,6	16,1	34,3	2,7	45,4	23,1	24,87	38,2	34,0
Мексика	18,2	30	24,1	18,3	25	26	21,2	32,5	29,5	17,9	27,1	25,6	21,7	48,2	30,4	35,4	31	34,2	34,7	32,9
Российская Федерация	2,7	2,8	3,4	7,8	15,3	14,4	37,4	54,9	75,9	27,8	31,7	36,9	30,2	53,3	29,2	11,9	37,2	26,0	13,2	31,7

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Свои негативные прогнозы относительно влияния *COVID-19* на объемы инвестиционных потоков дают МВФ, Мировой банк и другие международные и региональные финансовые организации и фонды.

Однако только ли к падению объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире — в результате физического закрытия множества предприятий, закрытия проектов и падения спроса на ряд товарных позиций — приведет нынешняя пандемия? На наш взгляд, мир столкнется и с иными последствиями *COVID-19* — как минимум, с географической и отраслевой трансформацией прямых иностранных инвестиций, с изменениями в системе слияний и поглощений, финансировании научных исследований и разработок (НИОКР) и др., что уже в настоящее время негативно сказывается на состоянии финансовых рынков.

Все это может привести к далеко идущим и серьезным последствиям, в частности, к изменению системы производства и потребления в отдельных странах, регионах и в мире, а также могут измениться доли в этом процессе государства и негосударственных субъектов хозяйствования — предприятий и домохозяйств. В частности, возможен дальнейший рост государственного предпринимательства (Столярова, Пономаренко, 2011) во всех группах стран мира. Кроме того, могут претерпеть изменения инвестиционные и финансовые инструменты.

Многие страны по всему миру приняли меры в поддержку инвестиций или для защиты критически важных отечественных отраслей промышленности в условиях кризиса. Меры поддержки включают, в частности, ускорение процедур инвестирования, ускоренное использование онлайн-инструментов и электронных платформ, развитие связанных с *COVID-19* услуг агентств по поощрению инвестиций (*IPAs*), схемы стимулирования относящихся к системе здравоохранения НИОКР, медицинские поставки, приобретение государствами акций ключевых национальных компаний, а также предоставление государственных кредитов и гарантий для отечественных поставщиков в цепочках создания стоимости (*Investment policy...*, 2020). Интересно отметить, что Российская Федерация закрывает «оффшорное окно» на Кипре в целях «деоффшоризации» российской экономики. Кипр, Мальта, Люксембург приняли условия России и согласились повысить налоговую ставку на дивиденды зарегистрированных там компаний до 15%. Возможно, что после этого и другие оффшорные зоны пойдут по этому пути.

Наконец, ситуация, связанная с *COVID-19*, уже обострила проблемы существующей мировой валютной системы (Пономаренко, 2015) и, без сомнения, будут способствовать изменению мировой доллароцентричной финансовой архитектуры. Одной из основных проблем остается глобальный финансовый дисбаланс — как в страновом (*Counter external debt of the USA*), так и в отраслевом аспектах (Шкваря, Тырква, 2017), который находится в тесном взаимовлиянии с сохраняющимся глобальным торговым дисбалансом.

Глобальный инвестиционный дисбаланс подпитывается и одновременно остается катализатором и сферой влияния системы международных экономических, и прежде всего финансовых, санкций (Русакович, Сухова, 2015), которые в XXI в. все более активно применяются развитыми странами мира, особенно США, в отношении большинства других государств.

Еще одной архиважной проблемой современной глобальной финансовой системы остается рост внешнего долга большинства стран мира, причем для некоторых стран этот долг приобретает критический характер (табл. 2).

Таблица 2.

Чистые государственные заимствования* в отдельных странах в 2017–2020 гг. (% ВВП).

Страны	2017	2018	2019**	2020**
США	2,45	3,54	3,61	3,58
Япония	2,71	2,92	2,86	2,16
Китай	2,97	3,78	4,97	5,11
Франция	1,13	0,91	1,84	0,99
Италия	1,24	1,39	1,41	0,71
Германия	-2,08	-2,57	-1,76	-1,51
Великобритания	0,08	-0,15	-0,03	0,14

* Чистые государственные заимствования — общий объем государственных заимствований за вычетом предоставленных государством кредитов.

** Оценки

Источник: World Economic Outlook Database.

Как видно из анализа представленных данных (табл. 2), крупнейшими странами-должниками в абсолютном выражении остаются США, чей долг составил 26 трлн долл. на 12 августа 2020 г. и ежедневно растет (Counter external debt of the USA) и Китай (причем КНР лидирует в мире по нарастаанию внешнего долга), в относительном выражении — Япония, внешний долг которой составляет более 2230% ВВП). По оценкам рейтингового агентства *Fitch*, в 2018 г. суммарный долг этих 3-х стран составил 66 трлн. долл., или 80% мирового ВВП (*Fitch Ratings...*, 2019). Получается, что на США, Китай и Японию пришлось около 60% всего суверенного мирового долга. Внешний долг остается серьезной проблемой и для Республики Таджикистан (Чиниев, 2020).

Следует также отметить сохраняющиеся и даже обостряющиеся во многих случаях проблемы финансирования развития стран с развивающимися рынками, особенно в Азии, Африке и Латинской Америке, в том числе — отдельных проектов: «Проектное финансирование составляет значительную часть трансграничных инвестиционных потоков. В основном это касается инвестиций в инфраструктуру» (Шкваря, 2013). Стоимость проектов снизилась в 2014–2016 гг. и лишь частично восстановилась в последующие 3 года. Снижение среднего размера было особенно значительным в производстве электроэнергии (включая как ископаемое топливо, так и возобновляемые источники энергии) и в горнодобывающей промышленности, а также в проектах в развивающихся странах.

Выводы

Таким образом, влияние *COVID-19* на глобальный процесс миграции ПИИ в мире может оказаться гораздо более негативным и длительным, чем это предполагалось изначально, вплоть до глобального финансового кризиса. Поэтому и на страновом, и на межгосударственном уровнях важно не только исследовать это влияние, но и принимать действенные меры по его нивелированию. Одним из направлений, по нашему мнению, может стать развитие цифровых сегментов, что «что укрепит независимость и экономическую безопасность, а также устойчивый социально-экономический рост и прогресс» (Чиниев, 2019), повышение качества государственного регулирования инвестиционной сферы и постепенная реорганизация мировой финансовой системы.

Список литературы

1. Вереникина А. Ю., Исаев В. А., Кузьмин Д. В., Меланьина М. В., Рузина Е. И., Савинский А. В. (2017) Экономика. М. [Verenikina A. Yu., Isaev V. A., Kuzmin D. V., Melanyina M. V., Ruzina E. I., Savinsky A. V. (2017) Economics. Moscow. (2nd edition). (In Russian).]
2. Меланьина М. В. (2019) Цифровизация мировой экономики: этапы, темпы, перспективы // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 11. № 2. С. 141–147. [Melanyina M. V. (2019) Digitalization of the global economy: stages, the pace, the prospects // Economics and management: problems and solutions. Vol. 11. No. 2. Pp. 141–147. (In Russian).]
3. Пономаренко Е. В. (2015) Экономика и финансы общественного сектора Учебник / Москва. Сер. Магистратура. [Ponomarenko E. V. (2015) Economics and Finance of the public sector Textbook / Moscow. Ser. Magistracy. (In Russian).]
4. Русакович В. И., Сухова Р. А. (2015) Международные санкции — препятствие или стимул к развитию малой экономики? Опыт Сирии // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 6. С. 99–107. [Rusakovich V. I., Sukhova R. A. (2015) International sanctions-an obstacle or incentive to the development of a small economy? The Syrian Experience // Scientific review. Series 1: Economics and law. No. 6. Pp. 99–107. (In Russian).]
5. Савинский А. В. (2004) Новые условия и тенденции на мировых рынках капитала / Савинский А. В. Москва. [Savinsky A. V. (2004) New conditions and trends in global capital markets / Savinsky A.V. Moscow. (In Russian).]
6. Столярова Е. И., Пономаренко Е. В. (2011) Государственное предпринимательство. Теория и практика развития. Саарбрюкен. [Stolyarova E. I., Ponomarenko E. V. (2011) State entrepreneurship. Theory and practice of development. Saarbr. (In Russian).]
7. Тыркба Х. В. (2015) Географические особенности распределения прямых иностранных инвестиций: современные тенденции // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 7 (79). С. 12. [Tyrkba K. V. (2015) Geographical features of the distribution of foreign direct investment: current trends // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 7 (79). P. 12. (In Russian).]
8. Чиниев Д. Б. (2020) Внешний долг Республики Таджикистан: динамика, особенности, задачи // Инновационная экономика. № 2 (23). С. 98–108. [Chinieev D. B. (2020) External debt of the Republic of Tajikistan: dynamics, features, tasks // Innovative economy. No. 2 (23). Pp. 98–108. (In Russian).]
9. Чиниев Д. Б. (2019) Цифровое государство в Таджикистане: основные этапы формирования, проблемы и возможности // Россия и Азия. № 4 (9). С. 25–31. [Chinieev D. B. (2019) Digital government in Tajikistan: the basic stages of formation, problems and opportunities // Russia and Asia. No. 4 (9). Pp. 25–31. (In Russian).]
10. Шкваря Л. В., Сичжэ Ван. (2020) Социально-экономическое развитие Китая и цифровые трансформации // Экономика и предпринимательство. № 3 (116). С. 132–136. [Shkvarya L. V., Xizhe Wang. (2020) Social and economic development of China and digital transformations // Economy and entrepreneurship. No. 3 (116). Pp. 132–136. (In Russian).]
11. Шкваря Л. В. (2017) Российско-европейские инвестиции: динамика и структура в условиях санкций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.

Т. 25. № 2. С. 189–98. [Shkvarya L. V. (2017) Russian-European investments: dynamics and structure under sanctions // Bulletin of the peoples ' friendship University of Russia. Series: Economics, Vol. 25, No. 2. Pp. 189–98. (In Russian).]

12. Шкваря Л. В., Тыркба Х. В. (2017) Глобальные изменения в процессе международной миграции капитала и роль стран с развивающимися рынками // Экономика и предпринимательство. № 8–3 (85). С. 75–82. [Shkvarya L. V., Tyrkba H. V. (2017) Global changes in the process of international capital migration and the role of countries with emerging markets // Economy and entrepreneurship. No. 8-3 (85). Pp. 75–82. (In Russian).]

13. Шкваря Л. В. (2013) Финансовые потоки в странах Африки: источник для реализации инфраструктурных проектов. В сборнике: Африка в поисках источников мира и развития. Ежегодник. Сер. "Африканские исследования" Москва. С. 206–215. [Shkvarya L. V. (2013) Financial flows in Africa: a source for implementing infrastructure projects. In: Africa in search of sources of peace and development. Yearbook, Ser. "African studies" Moscow, Pp. 206. (In Russian).]

14. Counter external debt of the USA. URL: <http://webdiscover.ru/v/22301>

15. Fitch Ratings Expands ESG Coverage with Long-Term Vulnerability Scores, 2019. URL: <https://www.fitchratings.com/>

16. Investment policy responses to the COVID-19 pandemic URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaepcbinf2020d3_en.pdf

17. World Investment Report, 2020. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf

18. World Economic Outlook Database. URL: www.imf.org/en/Publications/WEO

19. UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx>

Pandemic vs the global investment realities 2020

Jami Badriddinovich Chiniev

*PhD (Economics), the economist, International Monetary Fund, National Bank of Tajikistan,
107A, Rudaki Avenue, 734003 Dushanbe, Tajikistan*

The article shows and analyzes current trends in the global migration process of foreign direct investment (FDI) in 2000–2019 and in the near future. The author highlights the main factors influencing FDI migration. Based on the analysis of primary statistical data and modern and classical scientific research, the author substantiates the point of view that in the current conditions of global instability, there is an increase in the influence of non-economic factors that have a growing impact on global FDI flows. In the article, the author shows that COVID-19 will have a significant direct and indirect impact on FDI flows. Among the directions of indirect influence, the aggravation of the problems of the existing global financial system is highlighted.

Keywords: *world economy, foreign direct investment (FDI), unbalanced FDI, COVID-19, global financial system, global financial instability.*

JEL codes: *F21, F34, F37.*